

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как Сюань-цзан не нарушил основ учения и как испытывали четырех подвижников в твердости веры

Из этой главы вы узнаете о путях паломничества за священными книгами, путях, которые связаны с исполнением основного долга паломников.

Вернемся, однако, к нашим путникам, которые теперь уже вчетвером, познав вечную Истину и покинув суетный мир, пройдя через море страсти и реку Сыпучих песков, беспрепятственно продвигались дальше, по дороге на Запад. По пути им пришлось преодолеть множество покрытых растительностью гор, где протекали голубые реки, взор их не в силах был охватить широких просторов полей и цветов. Однако время летело быстро, и незаметно подошла осень.

Сделал красными горные дали

Кленов пышных осенний наряд,

Хризантем лепестки опадали...

Из кустарников, полный печали,

Реже слышался стрекот цикад.

Вянул лотос, цветы увядали,

Мандаринов густел аромат,

В небе бледном, построившись в ряд,

Стаи диких гусей улетали...

И вот однажды вечером Сюань-цзан сказал:

— Ученики мои, время уже позднее, не поискать ли нам место для ночлега?

— Вы не совсем правы, учитель, — возразил Сунь У-кун. — Ведь не зря говорится, что монах должен питаться под открытым небом и спать на росе и на инее. Для него любое место должно быть домом. Поэтому не стоит говорить об удобном ночлеге.

— Ну, дорогой брат, — вступил в разговор Чжу Ба-цзе. — Ты идешь налегке, так тебе и дела нет до того, что другие падают от усталости. После того как мы переправились через реку Сыпучих песков, мне очень трудно было карабкаться с моей ношей по горам. Вот мученье было! Непременно нужно найти сейчас какое-нибудь жилье, поесть, чаю попить и отдохнуть немного.

— Дурень ты! — сказал на это Сунь У-кун. — Да ты никак ропщешь. Боюсь, что не видать тебе

больше такой спокойной жизни, как в деревне Гаолаочжуан, где ты, можно сказать, прозябал, а не стремился к высшему счастью. Поэтому тебе сейчас трудновато. Но если хочешь отрешиться от мира и стать монахом, смиришься с трудностями и лишениями. Только тогда ты сможешь считать себя настоящим учеником Танского монаха.

— Дорогой брат! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Подумай сам, сколько весит этот груз!

— С тех пор как ты и Ша-сэн присоединились к нам, — сказал Сунь У-кун, — я не носил груза. Откуда же мне знать, сколько он весит?

— Так вот, прикинь, сколько весит груз, который мне приходится нести, — сказал Чжу Ба-цзе. — Мне одному тяжело все это таскать. Выходит, ты один ученик, а я просто носильщик.

— Ты с кем разговариваешь, Дурень? — с улыбкой спросил Сунь У-кун.

— С тобой, дорогой мой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Зря ты завел этот разговор, — сказал Сунь У-кун. — Я отвечаю за жизнь учителя, а вы с Ша-сэном должны заботиться о вещах и коне. Если же вы не будете проявлять должного усердия, вам придется попробовать моего посоха.

— Дорогой брат, — сказал Чжу Ба-цзе, — тебе не следовало бы так говорить. Ведь драка — это насилие над другими. Я знаю, что по натуре ты горд и заносчив и не станешь, конечно, нести вещи. Но ведь у нас есть сильный конь, на котором едет всего один человек. И если бы ты навьючил на этого коня несколько вещей, это было бы проявлением братского чувства с твоей стороны.

— А знаешь ли ты, что это не простой конь, — сказал Сунь У-кун. — Это — конь-дракон, сын Царя драконов Западного моря Ао-жуна, третий наследный принц. За то, что он устроил пожар во дворце и сжег драгоценности, отец обвинил его в сыновней непочтительности и нарушении законов неба. Только по милости бодисатвы Гуаньинь ему удалось спасти свою жизнь. После этого он долго ждал в ущелье Орлиной печали прихода учителя. Наконец туда явилась бодисатва Гуаньинь, которая избавила его от чешуи и рогов и вынула у него из-под подбородка жемчужину мудрости. Только после этого он превратился в того коня, которого ты видишь перед собой, и выразил готовность служить учителю верой и правдой и везти его в Индию на поклонение Будде. У каждого из нас своя судьба, а на коня сердиться и не думай.

— Неужели это конь-дракон, дорогой брат? — спросил Шасэн.

— Да, это конь-дракон, — подтвердил Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — сказал тогда Чжу Ба-цзе, — еще в старину говорили, что: «Дракон обладает способностью собирать тучи и напускать туман, разрыхлять землю и вздывать песок, что он

обладает сверхъестественной силой, может сворачивать горы и сдвигать хребты, обращать вспять реки и баламутить моря». Чем же объяснить, что наш дракон идет так медленно?

— Если хочешь, чтобы он двигался быстрее, я могу заставить его сделать это, — сказал Сунь У-кун, — вот, смотри.

И Великий Мудрец сжал свой посох. В тот же момент во все стороны разлетелись сияющие облака. Увидев посох в руках Сунь У-куна, конь подумал, что тот собирается его бить и, испугавшись, помчался во весь дух, только ноги сверкали. Сюань-цзан от неожиданности выпустил из рук поводья. Конь, почувствовав свободу, понесся сломя голову и замедлил шаг только тогда, когда взлетел на хребет и подбежал к обрыву. Едва придя в себя, Сюань-цзан осмотрелся и увидел впереди сосновую рощу, а в ней несколько величественных строений.

Величавые здания высились

Возле самых зеленых гор,

Изумрудный лес кипарисовый

Над воротами Ветви простер.

На ветвях, широко разбросанных,

Древних сосен хвоя густа,

Много-много Цветов бледно-розовых

В потаенных местах у моста;

И бамбук молодой в отдалении

Протянулся за рядом ряд,

И могучие краски осенние

В хризантемах диких горят.

Вдоль усадьбы стена квадратная —

Вся из белого кирпича,

И вокруг тишина благодатная,

И покой дворцов величав;

Отдыхают крестьяне свободные,

В амбары убрав урожай,

И в хлевах не кричат животные,

И не слышен собачий лай...

И вот, когда Сюань-цзан, осадив коня, осматривал открывшуюся перед ним картину, подошли Сунь У-кун и его товарищи.

— Все благополучно, учитель? — спросил Сунь У-кунь.

— Мерзкая ты обезьяна, — сердито сказал Сюань-цзан. — Конь от испуга так помчался, что я едва не свалился на землю.

— Не ругайте меня, учитель, — сказал улыбаясь Сунь У-кун. — Это все Чжу Ба-цзе. Он сказал, что конь идет очень медленно, вот я и решил доказать ему, что конь может бегать и быстрее.

Стараясь поспеть за конем, Чжу Ба-цзе выбился из сил и, запыхавшись, возмущенно крикнул:

— Ладно! Хватит! Вот уж поистине: заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет! Ноша моя и так тяжела, а ты еще заставляешь меня гнаться за конем!

— Ну, вот что, ученики мои, — сказал тут Сюань-цзан. — За той стеной находится поместье, хорошо было бы остановиться здесь на ночлег.

Сунь У-кун быстро поднял голову и, присмотревшись, увидел облака, они окутывали поместье своим радужным сиянием. Сунь У-кун сразу же понял, что это место, отмеченное Буддой, но, не желая раскрывать тайны неба, промолвил:

— Вот и замечательно! Пойдем попросимся на ночлег!

Сюань-цзан поспешил сойти с коня и, подойдя к воротам с аркой, увидел на них резьбу. Перекладины ворот были украшены резными цветами лотоса и хоботом слона. Ша-сэн опустил свою ношу на землю. А Чжу Ба-цзе, подходя, сказал:

— Тут, несомненно, живут богатые люди.

Сунь У-кун хотел было войти во двор, но Сюань-цзан остановил его.

— погоди! Мы с тобой монахи и не должны вызывать подозрений. Не надо входить без разрешения, подождем пока кто-нибудь выйдет и попросим пустить нас переночевать.

Чжу Ба-цзе привязал коня, а сам прислонился к стене.

Сюань-цзан сел на каменный барабан, а Сунь У-кун с Ша-сэном устроились у основания башни. Прошло довольно много времени, но из дома никто не показывался. Тогда нетерпеливый по натуре Сунь У-кун, не выдержав, вскочил на ноги и вошел во двор. Осмотревшись, он увидел

прежде всего помещение из трех комнат, обращенных на юг. Дверные занавески были высоко подняты. На стоявшей перед дверьми ширме висели картины с изображением горы, символизирующей долголетие, и моря, означавшего счастье. С двух сторон стояли два покрытых лаком с золотой инкрустацией столба, на которых также висели свитки с новогодними пожеланиями счастья и благополучия. На свитках были надписи: «Вечером у ровного моста летает нежный пух ивы. Лепестки ароматной сливы падают словно снег; в маленький дворик пришла весна». Посредине стоял черный полированный столик для возжигания благовоний, а на нем древняя медная курильница с изображением сына дракона.

У стола были расставлены шесть Стульев. На восточной и западной стенах двора висели свитки с изображением четырех времен года.

И вот, когда Сунь У-кун украдкой рассматривал все это, за дверью послышались шаги и вышла женщина средних лет.

— Кто осмелился вторгнуться в дом вдовы? — спросила она нежным голосом.

Сунь У-кун поспешил приветствовать ее и громко сказал:

— Я, скромный монах, прибыл из Китая, страны великих Танов. По высочайшему повелению мы следуем на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Нас четверо. И вот, поскольку ваш дом лежит на нашем пути, а время уже позднее, мы и решили попроситься к вам на ночлег.

— А где же ваши спутники, духовный отец? — улыбаясь спросила женщина. — Пригласите их сюда.

— Учитель, вас приглашают войти! — громко позвал Сунь У-кун.

Сюань-цзан, в сопровождении Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, вошел во двор. Чжу Ба-цзе вел коня, а Ша-сэн нес вещи. Увидев женщину, Чжу Ба-цзе не мог оторвать от нее жадного взгляда. А как роскошно она была одета!

На одеянье из зеленого холста

Затейливый узор искусно выткан,

И юбка шелковая с бантами желта,

И розова просторная накидка

На каблуке изящном и высоком,

Был башмачок прекрасен, как цветок,

Сквозь черный легкий газовый платок

Небрежно выбивался крупный локон.

Слоновая — прекрасна гребня кость,

Она, как жемчуг, радугой сверкала,

И, чтоб сдержать прическу наискось,

Вдова узорных шпилек ряд втыкала...

Прекрасна без румян и без белил,

Стан стройность сохранил и грациозность,

И кто бы на земле определил,

Насколько юн богини этой возраст?

Увидев путников, женщина радостно приветствовала их и пригласила войти в дом. Когда была закончена церемония с поклонами, хозяйка велела подать чай. Тотчас же из-за перегородки вышла девушка-служанка с длинной косой. Она несла золотой поднос с чашками из белоснежного нефрита. Из чашек шел душистый аромат. На подносе лежали также удивительно душистые, редкие плоды. Женщина, не стесняясь, засучила рукава, обнажив нежные, как весенние побеги бамбука, руки. Затем, высоко держа чашку, она с поклоном поднесла чай каждому из гостей, после чего приказала приготовить трапезу.

— Простите, уважаемая благодетельница, — промолвил Сюань-цзан, подняв для приветствия руки, — можно ли узнать вашу драгоценную фамилию и откуда вы родом?

— Это — район восточной Индии, — отвечала хозяйка. — Моя девичья фамилия — Цзя, а по мужу я Мо. С малых лет меня преследовал злой рок. Я рано потеряла родителей и хозяйство перешло к нам с мужем. Мы имели довольно большое состояние, тысячу циней¹ земли, но нам не повезло. Родились три дочери, а сына не было. А в позапрошлом году меня постигло еще большее несчастье — умер муж, и вот уже год, как я вдовствую. В этом году закончился срок моего траура. У нас нет никаких родственников, и все имущество и земля пропадают попусту. Я хотела вторично выйти замуж, но жаль расставаться со своим добром. Вот если бы я и мои дочери могли выйти замуж, не расставаясь с домом! На наше счастье к нам прибыли вы, духовный отец. Вместе с учениками вас четверо. Как было бы хорошо, если бы вы взяли нас в жены: получилось бы четыре супружеские пары. Не знаю только, согласитесь ли вы?

Сюань-цзан сделал вид, что он глух и нем и, закрыв глаза, сидел, сохраняя полное спокойствие, не отвечая на вопрос хозяйки.

— У нас более трехсот му поливных полей, — продолжала хозяйка, — свыше трехсот циней богарной земли и триста с лишним циней фруктовых садов в горах. Кроме того, у нас есть более тысячи волов, много мулов и лошадей, а свиней и овец не перечесать. Помимо всего этого, у нас разбросано по сенокосам не меньше семидесяти заимок. Хлеба у нас хватит лет на девять. А шелков, разной материи и одежды за десять лет не износить. Золота и серебра хватит на всю жизнь. Как говорится, расшитые пологи затемняют собою красоту весны. А о разных

там золотых украшениях и говорить не приходится. Так что если бы вы, духовные отцы, согласились остаться в нашем доме, то жили бы в полном довольствии. Это, пожалуй, лучше, чем идти на Запад и претерпевать различные трудности.

Сюань-цзан сидел неподвижно и молчал.

— Я родилась в третий день третьей луны. Мой покойный муж был старше меня на три года. В этом году мне исполнилось сорок пять лет. Мою старшую дочь зовут Чжэнь-чжэнь, ей двадцать лет. Второй — Ай-ай — восемнадцать, и младшей — Лянь-лянь — шестнадцать. Ни одна из них не помолвлена. Сама-то я уже не могу похвалиться красотой, зато про дочек смело скажу, что они у меня красавицы. Руки у них золотые. Они умеют и шить и вышивать, в общем, за какое дело ни возьмутся — непременно справятся. Поскольку у нас с мужем не было сыновей, мы их воспитывали как мальчиков. С детства обучили конфуцианским книгам, они научились читать и писать стихи. Несмотря на то что мы живем в глухих местах, мы все же не совсем невежественны и могли бы составить вам достойную партию. Так вот, почтенный отец! Если вы вернетесь в мир и станете хозяином в этом доме, вы будете носить шелковые халаты. Это, пожалуй, лучше, чем ходить с глиняной чашей для подаяния, носить черную рясу и соломенные башмаки или шляпу из бамбука.

Сюань-цзан, восседавший на почетном месте, был похож на ребенка, напуганного громом, или, еще лучше, на лягушку, попавшую под дождь. Он был потрясен и не мог даже смотреть хозяйке в глаза. Между тем Чжу Ба-цзе, услышав о таких богатствах и красоте дочерей, вертелся, словно сидел на иголках, и не мог сдерживать волнения. Наконец он не вытерпел и, подойдя к учителю, дернул его за рукав.

— Учитель! Почему вы с таким пренебрежением относитесь к тому, что говорит эта женщина. Мне кажется, следовало бы прислушаться к ее словам.

Тогда Сюань-цзан резко поднял голову и с презрением оттолкнул от себя Чжу Ба-цзе.

— Ты грязная тварь! — гневно крикнул он. — Можем ли мы, отрешившись от суетного мира, прельщаться богатством и красотой? На что же это будет похоже!

— А жаль, очень жаль! — улыбаясь сказала хозяйка. — Что хорошего в монашеском обете?

— Послушай, уважаемая, что хорошего у вас, мирских людей? — спросил в свою очередь Сюань-цзан.

— Присядьте, учитель, — промолвила хозяйка, — я расскажу вам, какие радости испытывают люди. Об этом написано в стихах:

Когда весною новый шелк готов,

Бери себе для платья ткань любую,

Чтобы гулять все лето вдоль прудов,
Цветеньем ярких лотосов любуясь.
Собрав с полей прилежно спелый рис,
Готовь вино, когда приходит осень,
Зимою в доме теплом затворись,
Чтоб пировать, заботы прочь отбросив.
И все для жизни безмятежной даст
Тебе рукою щедрою природа,
Полны столы изысканнейших яств
У нас в домах в любое время года.
Наш сон при огоньках цветных свечей
В шелках постели пышной непробуден,
Счастливым, нам тащиться вдаль зачем,
Чтоб в странах дальних поклониться Будде?

— Все это прекрасно, уважаемая благодетельница, — отвечал Сюань-цзан. — Хорошо, что у вас, мирян, изобилие и богатство, что у вас вдоволь еды и одежды и что мужчины и женщины живут в браке. Но наша монашеская жизнь имеет свои достоинства и, если хотите, я тоже могу прочесть вам стихи:

Возвышенную цель
Перед собою
Поставь —
И прежний храм любви отринь.
Не увлекайся
Внешней суетою,
А постигай прилежно
«Ян» и «Инь».
Окончив подвиг,
С сердцем просветленным

Увидишь в небе
Золотой чертог,
Но станет, смерть приняв,
Мешком зловонным
Тот, кто познанием мира
Пренебрег.

— Ах ты грязный и бесцеремонный монах! — выслушав его, закричала разгневанная хозяйка. — Если бы ты пришел не из такой далекой страны, как Китай, я выгнала бы тебя вон. Я с чистым сердцем и добрыми намерениями предложила вам стать хозяевами в этом доме, а ты в ответ на это начинаешь оскорблять меня. Ну ладно, ты сам принял постриг, дал обет и решил никогда не возвращаться в мир, но, может быть, кто-нибудь из твоих учеников согласится остаться у нас? Почему ты так строг?

Желая успокоить хозяйку, Сюань-цзан примирительно сказал:

— Ну что ж, Сунь У-кун, оставайся здесь!

— Нет, — отвечал тот. — Я никогда не имел отношения к такого рода делам. Пусть Чжу Ба-цзе остается.

— Нечего издеваться, — рассердился Чжу Ба-цзе. — Мы поговорим об этом более подробно.

— Ну, раз вы оба отказываетесь, — сказал Сюань-цзан, — тогда, может быть, оставим здесь Ша-сэна?

— Как можно так говорить, учитель, — возмутился Ша-сэн. — Я ведь был обращен на путь Истины самой бодисатвой, принял постриг и дождался вашего прихода. Когда же вы взяли меня к себе в ученики, вы милостиво дали мне свои наставления. Не прошло еще и двух месяцев, как я следую за вами, я не сделал еще и половины того, что мне положено, чтобы искупить свою вину, как же смею я думать о богатстве и роскоши? Нет, я ни за что не совершу столь постыдного поступка и уж лучше погибну, но последую за вами в Индию.

После этого хозяйка резко повернулась, ушла за перегородку и с шумом захлопнула дверь. Учитель остался один со своими учениками. Никто больше не предлагал им чаю, не приглашал покушать. Больше всех волновался Чжу Ба-цзе.

— Своими словами вы все дело испортили, учитель, — начал он ворчать. — Вы бы хоть сделали вид, что соглашаетесь. Тогда они угостили бы нас, и мы неплохо провели бы этот вечер. А потом уж могли поступить, как нам заблагорассудится. Сейчас же все пути нам отрезаны, и мы проведем эту ночь у холодного очага. Разве хорошо это?

— Дорогой брат, — сказал Ша-сэн. — А может быть, ты все же останешься тут и станешь ее зятем?

— Ну вот что, брат, — сказал Чжу Ба-цзе. — Нечего смеяться надо мной. Давайте лучше как следует обсудим все.

— А что же тут обсуждать, — сказал Сунь У-кун. — Если ты согласен остаться здесь, то попроси учителя быть твоим сватом, пусть он скажет хозяйке, что ты желаешь породниться с ней. Здесь столько всякого добра, и уж конечно они смогут одеть тебя как следует и устроят по этому случаю роскошный пир. И нам кое-что перепадет, и ты вернешься в мир, так что во всех отношениях будет хорошо.

— Да, все это как будто правильно, — нерешительно произнес Чжу Ба-цзе, — но что же это получается: то я уйду из мира, то снова возвращаюсь туда, то развожусь, то опять женюсь?

— Так у тебя, дорогой брат, оказывается, есть жена? — с удивлением спросил Ша-сэн.

— Ты ничего не знаешь, — заметил Сунь У-кун. — Ведь он был в Тибете зятем почтенного Гао из деревни Гаолаочжуан. Затем его наставила на путь Истины бодисатва, потом я его умирил, и ему не оставалось ничего другого, как постричься в монахи. Он оставил жену и согласился сопровождать учителя на Запад. Ну, а поскольку он расстался со своей женой давно, то теперь ему в голову лезут всякие скверные мысли. Вот почему он, выслушав хозяйку, так загорелся.

- Дурень, — обратился Сунь У-кун к Чжу Ба-цзе, — иди в зятя. Но прежде поклонись мне как следует, да не один раз. Тогда я уж, так и быть, препятствовать не стану.

— Ну что ты болтаешь! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Каждый из вас не прочь остаться здесь, а строите из себя скромников и на одного меня нападаете. Ведь недаром говорится: «Монах — что похотливый дьявол». Кто же откажется от этого? А вы стараетесь выдать себя бог знает за кого. Сегодня мы чаю, надо полагать, не дождемся, да и огня у нас нет. Но это ничего, одну ночь как-нибудь перебьемся, а вот коню завтра снова придется везти на себе ездока и, если его не покормить, он будет пригоден только на то, чтобы содрать с него шкуру. Так что вы сидите здесь, а я пойду попасу коня.

С этими словами Дурень со злостью отвязал поводья.

— Ша-сэн! — сказал Сунь У-кун. — Побудь с учителем, а я пойду посмотрю, где он будет пасти коня.

— Иди, — сказал Сюань-цзан, — только смотри не издевайся над ним.

— Ладно!

Выйдя из дома, Великий Мудрец встряхнулся и, превратившись в красную стрекозу, вылетел за ворота. Нагнав Чжу Ба-цзе, он увидел, что тот и не собирался искать хорошего пастбища. Подгоняя коня, Чжу Ба-цзе обошел усадьбу кругом и подошел к задним воротам. Здесь хозяйка с дочерьми любовалась орхидеями. При появлении Чжу Ба-цзе девушки тотчас же скрылись в доме.

— Куда это вы направились, почтенный монах? — спросила хозяйка.

Дурень выронил из рук поводья и, приветствуя женщину, сказал:

— Да вот вышел попасти коня.

— Какой-то непонятный человек ваш учитель, — продолжала женщина. — Ведь остаться в моем доме куда лучше, чем быть странствующим монахом и идти на Запад.

— Видите ли, они идут по приказу самого Танского императора и не решаются нарушить его волю. Вот только сейчас они насмехались надо мной, поставили меня в неудобное положение и даже вызвали во мне некоторые сомнения. Боюсь только, что со своей длинной мордой и огромными ушами не понравлюсь вам.

— Никакой неприязни к вашей наружности я не испытываю, — отвечала женщина. — У нас в доме нет хозяина, а он нам очень нужен. Не знаю только, понравятся ли вы моим дочерям.

— Да вы скажите дочерям, пусть не смотрят только на внешний вид, — сказал Чжу Ба-цзе. — Чрезмерная разборчивость ни к чему. Возьмите, например, нашего Танского монаха. С виду он красавец, а на что годится? А я хоть и безобразен, зато обо мне даже стихи сложили.

— А что в этих стихах говорится? — спросила женщина.

— А вот что, — отвечал Чжу Ба-цзе,

Хотя слыву я существом

Нечистым и ничтожным,

Мне трудолюбием своим

Все ж похвалиться можно.

Не нужен сильный вол — со мной

Сравнится ли скотина?

Могу вспахать я целину

На много тысяч цингов.
Едва лишь граблями взмахну,
Как всем на удивленье
Взойдут из брошенных семян
Чудесные растенья.
Коль нет дождя — я упрошу,
И сильный дождь польется,
Коль нужен ветер — покричу,
И ветер отзовется...
Везде проникну, все пройду,
Все на земле открою,
Лягнув небес могучий свод,
Колодец вмиг отрою...
Хотя слыву я существом
Нечистым и ничтожным,
Мне трудолюбием своим
Все ж похвалиться можно.

— Если вам действительно хочется заняться хозяйством, — сказала женщина, — то пойдите еще раз посоветуйтесь со своим учителем. Если он не будет возражать, я согласна взять вас в зятья.

— А что мне с ним советоваться, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Он мне не отец. Я и сам знаю, что делать.

— Ладно, — согласилась женщина. — Я сейчас поговорю с дочерьми.

С этими словами она ушла в дом, с шумом захлопнув за собой дверь. А Чжу Ба-цзе, который и не думал даже пасти коня, подвел его к дому. Он, конечно, не подозревал, что Сунь У-кун все видел и слышал. А Сунь-У-кун тотчас же полетел назад, принял свой обычный вид и, представ перед Сюань-цзаном, сказал:

— Учитель, а ведь Чжу Ба-цзе все-таки увел коня!

— Ну, если бы он не вел его на поводу, конь мог бы легко сбежать, — отвечал Сюань-цзан.

Тут Сунь У-кун рассмеялся и передал во всех подробностях разговор хозяйки с Чжу Ба-цзе. Сюань-цзану трудно было поверить всему этому. Немного погодя они увидели, как Дурень привел коня и привязал его.

— Ну что, попас коня? — спросил учитель.

— Да здесь даже хорошей травы нет, — отвечал тот.

— Где попасти коня ты не нашел, а вот куда привести его, нашел место, — заметил Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе понял, что тайна его раскрыта, и, опустив голову, молчал. Вскоре скрипнула входная дверь, появились две пары красных фонарей, курильница и наконец сама хозяйка. Она благоухала, украшения звенели. Вместе с ней вы шли все три дочери: Чжэнь-чжэнь, Ай-ай и Лянь-лянь. Она велела девушкам приветствовать паломников за священными книгами. Девушки встали в ряд и почтительно поклонились. Поистине это были писанные красавицы.

Их дивная застенчивость влечет

Людей замороженные сердца,

И тонкие нефритовые брови,

Темны, как будто мотыльков пыльца.

Взгляни — и прелесть их прозрачных лиц

Тебя дыханием весны обдаст,

Нет красоте божественной границ —

Она смиряет силу государств.

Обилье украшений головных

В подобранных изящно волосах.

И вьются, отгоняя пыль от них,

Расшитые искусно пояса.

Их нежная улыбка хороша,

Как розоватых персиков расцвет,

Когда они проходят не спеша,

Все ароматы веют им вослед
Сгибались, колыхались на ходу
С покорностью к ручью склоненных ив,
Чу славную в преданьях красоту
И Си-цзы прелесть тонкую затмив.
И равномерно колыхаясь в такт
Их необычно маленьким шагам,
Большие шпильки наклонялись так,
Что пробежал огонь по жемчугам.
Не с неба ли девятого сошли,
Сияя красотой неземной?
Возможно, ради страждущей земли
Чан Э рассталась с золотой луной?

Увидев их, Сюань-цзан сложил ладони рук и, опустив голову, начал молиться. Великий Мудрец Сунь У-кун не обращал на них ни малейшего внимания, а Ша-сэн и вовсе повернулся к ним спиной. Но что творилось с Чжу Ба-цзе! Он не мог оторвать глаз от красавиц, находился в полном смятении и был обуреваем греховными помыслами и страстями. От крайнего волнения он едва слышным голосом проговорил:

— Благодарение небу, что бессмертные небожительницы сошли с неба. Мамаша, уведите, пожалуйста, ваших дочерей.

Девушки тотчас же скрылись за ширмами, оставив пару шелковых фонарей.

— Почтенные отцы духовные, — сказала тут хозяйка. — Кто из вас пожелал бы остаться и взять в жены моих дочерей?

— Мы уже советовались на этот счет, — сказал Ша-сэн, — и решили оставить здесь Чжу Ба-цзе.

— Брат, не смейся надо мной. Опять вы разыгрываете меня.

— Какие тут еще насмешки! — воскликнул Сунь У-кун. — Ведь ты уж обо всем договорился. Ты даже называл хозяйку мамашей. Учитель будет посаженным отцом, хозяйка — матерью, я — поручителем, а Ша-сэн — сватом. Сегодня как раз счастливый день. Поклонись учителю и оставайся здесь.

— Нет, так не пойдет! — запротестовал Чжу Ба-цзе. — Кто же поступает так в подобных случаях?

— Ну, вот что, Дурень! — сказал Сунь У-кун. — Нечего притворяться! Ведь сколько раз ты называл хозяйку «мамашей», зачем же говорить, что из этого ничего не получится? Соглашайся поскорее, и веди нас к свадебному столу, так-то оно лучше будет.

С этими словами он одной рукой схватил Чжу Ба-цзе, а другой — хозяйку и сказал:

— Дорогая матушка, введите зятя в свой дом.

Дурень совсем растерялся и не знал, что делать, — то ли идти за хозяйкой, то ли оставаться здесь. В этот момент хозяйка позвала слугу.

— Расставьте столы и стулья! — приказала она. — И приготовьте ужин в честь этих почтенных монахов. А я уведу своего зятя в дом.

Затем она велела повару заняться приготовлением свадебного пира, который решила устроить на следующий день. Слуги поспешили выполнить распоряжение хозяйки. Вскоре трое паломников поужинали и, быстро расстелив свои постели, улеглись спать в гостиной, но об этом мы рассказывать не будем. Вернемся лучше к Чжу Ба-цзе. Следуя за тещей, он прошел уже бесчисленное количество комнат. Шел он неуверенно, спотыкаясь на каждом пороге.

— Мамаша, — взмолился он наконец, — идите помедленнее. Дорога для меня незнакомая и вы уж, пожалуйста, помогите мне.

— Мы прошли только кладовые, склады, крупорушку и другие хозяйственные помещения, — сказала хозяйка. — И даже не дошли до кухни.

— Какой у вас громадный дом! — поразился Чжу Ба-цзе и снова поплелся, наощупь находя повороты и огибая углы.

Они долго шли, пока наконец не очутились у жилых помещений. — Дорогой зять, — промолвила хозяйка. — Твой старший брат сказал, что сегодня счастливый день для бракосочетания, и велел мне ввести тебя в свой дом. Но все это произошло как-то неожиданно, мы не успели даже позвать гадалщика, не поклонились перед домашним алтарем и не совершили свадебного обряда. Так что сейчас ты должен совершить хотя бы восемь поклонов.

— Вы совершенно правы, мамаша, — согласился Чжу Ба-цзе. — Прошу вас сесть и принять мои поклоны. Но я думаю, что для экономии один поклон можно будет считать за два — один поклон алтарю, а другой вам, в благодарность за то, что вы согласились породниться со мной.

— Ну ладно, ладно, — засмеялась женщина. — Вот ведь какой экономный зять мне попался. Я

сяду, а ты совершай поклоны.

И что тут только было! Зал ярко сиял в серебряном свете свечей. Дурень начал отбивать поклоны.

— Мамаша, — сказал он, кончив отбивать поклоны, — а какую из дочерей вы отдаете мне в жены?

— Не знаю, что и делать, — сказала тут хозяйка. — Я хотела бы выдать за тебя старшую, но боюсь, что рассердится вторая. Если же отдать за тебя вторую, станет сердиться третья. А если отдать младшую, опять же рассердится старшая. Вот я и не могу решить.

— Мамаша, — сказал Чжу Ба-цзе, — если вы боитесь, что начнутся раздоры, отдайте за меня всех трех, и все будет в по-рядке.

— Что за вздор ты несешь! Ведь нельзя жениться на всех сразу!

— А почему бы и нет? — возразил Чжу Ба-цзе. — Да у кого не бывает трех жен или четырех наложниц? Пусть даже их было бы больше, я охотно согласился бы. С молодых лет питаю пристрастие к женскому полу и ручаюсь, что угожу каждой из них.

— Нет, это не дело, — сказала хозяйка. — Сделаем вот как: ты завяжешь себе глаза вот этим платком и устроим гаданье. Я позову дочерей, они будут проходить мимо тебя. Ты протянешь руки и которая из них попадется тебе в руки, та и будет твоей женой.

Дурень согласился, взял платок и завязал глаза.

— Ну, мамаша, зовите дочерей!

— Чжэнь-чжэнь! Ай-ай! Лянь-лянь! — позвала хозяйка. — Сейчас жених будет гадать: на кого падет выбор, та и выйдет за него замуж.

Зазвенели украшения, вокруг разлился чудесный аромат, словно сами небожительницы спустились на землю. Дурень протянул руки, стараясь поймать одну из них, бросался то в одну, то в другую сторону, но все безуспешно. Он слышал лишь шорох, когда женщины проходили мимо него. Побежит в одну сторону, хватает столб, ринется в другую, наткнется на стену. У него даже закружилась голова, и он едва держался на ногах. От ударов и толчков у него распухла морда и вся голова была в шишках. Наконец, едва переводя дух, он опустил на пол и сказал:

— Ваши дочери чересчур хитры. Ни одной из них я не могу поймать. Что же делать?

Тогда женщина сняла с его глаз повязку и сказала:

— Нет, дорогой зять, дело не в том, что они хитры, просто ни одна из них не хочет обижать другую.

— Тогда вот что, мамаша, — сказал Чжу Ба-цзе. — Раз они не хотят, выходите вы за меня.

— Дорогой зятек! — воскликнула хозяйка. — Где же это видано — на теще жениться! Мои дочери от природы очень умные. Каждая из них вышила жемчугом рубашку. Может, какая-нибудь подойдет тебе, тогда ту дочь, которая сделала ее, возьмешь себе в жены.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Давайте сюда рубашки, я попробую их надеть и если надену все сразу, то на всех дочерях и женюсь.

Хозяйка пошла в комнату, вынесла оттуда рубашку и передала ее Чжу Ба-цзе. Дурень снял с себя черный халат и натянул рубашку. Однако не успел он повязаться поясом, как тут же рухнул на пол. Оказалось, что он крепко-накрепко связан веревками. Тело его нестерпимо ныло от боли, а женщины куда-то исчезли.

В этот момент Сюань-цзан, Сунь У-кун и Ша-сэн проснулись, словно от какого-то толчка. На востоке занимался рассвет. Подняв голову, они внимательно осмотрелись кругом и не увидели ни домов, ни колонн с резьбой. А спали они в лесу среди сосен и кедров. Сюань-цзан, совершенно растерявшись, позвал Сунь У-куна.

— Дорогой брат! Хватит спать! — воскликнул Ша-сэн. — Мы встретились с нечистой силой!

— Почему ты так думаешь? — спросил улыбаясь Сунь У-кун. Он прекрасно понимал, что произошло.

— Да ты посмотри, где мы спали, — сказал Сюань-цзан.

— Ну что ж, — сказал Сунь У-кун. — Мы неплохо провели ночь в этом сосновом лесу. Не знаю только, куда в наказание поместили нашего Дурня, — добавил он.

— О каком наказании ты говоришь? — спросил Сюань-цзан.

— Женщины, которых мы видели вчера здесь, бодисатвы, правда, я не знаю, какие именно, — сказал Сунь У-кун. — Явившись к нам, они приняли человеческий облик, а в полночь, вероятно, исчезли. Но вот Чжу Ба-цзе пришлось понести наказание.

Услышав это, Сюань-цзан сложил ладони рук и почтительно поклонился. В этот момент они увидели развевающуюся на сучке старого кедра полосу бумаги. Ша-сэн бросился туда и, взяв

бумагу, передал учителю. Там было восемь строф.

И вот, когда Сюань-цзан со своими учениками читал эти строфы, из глубины леса донесся отчаянный крик:

— Отцы мои! Меня связали, погибаю! Спасите! Я никогда больше не осмелюсь так поступать!

— Сунь У-кун! — сказал Сюань-цзан. — Уж не Чжу Ба-цзе ли это кричит?

— Конечно, он, — подтвердил Ша-сэн.

— Не обращай внимания, брат, — сказал Сунь У-кун. — Надо трогаться в путь!

— Этот Дурень, конечно, закоренелый упрямец, — промолвил Сюань-цзан. — Но все же он правдивый парень. К тому же он силен и несет наши вещи. В свое время бодисатва не оставила его своей милостью. Я думаю, что надо помочь ему и взять его с собой. Впредь он, пожалуй, не будет делать ничего предосудительного.

Ша-сэн свернул постель и собрал вещи. Сунь У-кун подвел Сюань-цзану коня, тот сел на него, и они отправились в глубь леса. Однако, если вас интересует, что случилось потом с Чжу Ба-цзе, прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286428>